

Мир науки. Педагогика и психология / World of Science. Pedagogy and psychology <https://mir-nauki.com>

2026, Том 14, № 2 / 2026, Vol. 14, Iss. 2 <https://mir-nauki.com/issue-2-2026.html>

URL статьи: <https://mir-nauki.com/PDF/51PSMN226.pdf>

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

**Ссылка для цитирования этой статьи:**

Шевченко, А. А. Цифровой след молодежи: отличия в интернет-девиациях представителей поколений Z и Y / А. А. Шевченко, Р. И. Абдуллина, И. Ю. Завьялова, А. А. Колмогорцева // Мир науки. Педагогика и психология. — 2026. — Т. 14. — № 2. — URL: <https://mir-nauki.com/PDF/51PSMN226.pdf>.

**For citation:**

Shevchenko A.A., Abdullina R.I., Zavalova I.U., Kolmogortseva A.A. Digital footprint of youth: a comparative analysis of internet-related deviant behaviors in generations Z and Y. *World of Science. Pedagogy and psychology*. 2026;14(2): 51PSMN226. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/51PSMN226.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 159.9.072

**Шевченко Анна Александровна**

ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»,  
Челябинск, Россия

Доцент кафедры «Психология управления и служебная деятельность»

Кандидат психологических наук

E-mail: shevchenkoaa@susu.ru; chastoedovaanna@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3246-0920>

РИНЦ: [https://elibrary.ru/author\\_profile.asp?id=726814](https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=726814)

**Абдуллина Регина Ильгизаровна**

МКУ СО «Кризисный центр», Челябинск, Россия

Психолог

E-mail: reginaabdullina07@gmail.com

**Завьялова Ирина Юрьевна**

ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»,  
Челябинск, Россия

Доцент кафедры «Психология управления и служебная деятельность»

Кандидат психологических наук

E-mail: irinamai-5@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7686-7554>

РИНЦ: [https://elibrary.ru/author\\_profile.asp?id=752990](https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=752990)

**Колмогорцева Анастасия Алексеевна**

ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»,  
Челябинск, Россия

Доцент кафедры «Психология управления и служебная деятельность»

Кандидат психологических наук

E-mail: kolmogortcevaaa@susu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6425-2122>

РИНЦ: [https://elibrary.ru/author\\_profile.asp?id=1027380](https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=1027380)

## **Цифровой след молодежи: отличия в интернет-девиациях представителей поколений Z и Y**

**Аннотация.** В данной статье представлено сравнительное исследование интернет-зависимости, киберагрессии и киберлаффинга среди представителей поколений Z и Y. Хотя отдельные исследования изучали эти феномены у каждого поколения, а также их влияния на

личность, комплексный анализ, сравнивающий интернет-девиации у миллениалов и зумеров, до сих пор отсутствовал. Настоящее исследование восполняет этот пробел.

Исследование проводилось в 2025 году. Выборку составили 218 студентов ЮУрГУ (НИУ), представители поколений Y и Z. Из них 109 человек — миллениалы и 109 человек — зумеры, 51 % — женщины и 49 % — мужчины. Психодиагностический инструментарий представлен следующими методиками: шкала интернет-зависимости (S.-H. Chen, адаптация В.Л. Малыгина и соавторы), шкала киберлафинга (Y. Akbulut, адаптация Н.В. Сиариковой) и опросник киберагрессии (D. Álvarez-García et al., адаптация А.А. Шарова). Для математической обработки данных использовался U — критерий Манна-Уитни.

Результаты показали, что поколение Z демонстрирует более высокую подверженность интернет-зависимости по сравнению с поколением Y. У миллениалов выявлен низкий риск развития интернет-зависимости, у зумеров выявлена склонность к интернет-зависимости. Киберлафинг также оказался больше проявлен у студентов поколения Z, чем у студентов поколения Y, которые чаще во время занятий общаются через мессенджеры и социальные сети. Статистически значимых различий в показателях киберагрессии между двумя поколениями выявлено не было.

**Ключевые слова:** интернет-девиации; интернет-зависимость; киберагрессия; кибербуллинг; киберлафинг; поколение Y; поколение Z

## Введение

Использование Интернета стало повседневной реальностью для многих россиян, при этом количество активных пользователей только растет в связи с ростом материальной и технической доступности интернет-услуг. Возможно, данное утверждение покажется спорным на фоне некоторых ограничений в использовании Интернета в последнее время, однако он остается одним из доступных развлечений, несмотря на место проживания и материальное благополучие человека.

Вопрос влияния на Интернет на личность пользователя, его психическое здоровье является актуальным и интересует многих исследователей. Известно, что использование Интернета является фактором, влияющим на самоконтроль, потребность в познании, креативность, уровень депрессии [1], интеллект [2], личностную тревожность, рефлексивность [3]. Активная цифровизация общества также породила и новые формы девиантного поведения в сети, такие как интернет-зависимость, киберагрессия и киберлафинг.

Интернет-зависимость является одной из наиболее исследованных и распространенных форм проблемного использования Интернета. Согласно данным метаанализа, обобщившего 101 исследование из 38 стран, распространенность интернет-зависимого поведения среди студентов университетов достаточно высока (41,84 %) [4]. Уровень зависимого от Интернета поведения варьируется в разных странах — от 1,1 % в странах Европы до 10,4 % в США [5]. Распространенность интернет-зависимости в странах Персидского залива составляет 33 % [6], а среди студентов эфиопских университетов — 85 % [7]. Под интернет-зависимостью (веб-аддикцией) понимают широкое явление, включающее пристрастия, связанные с интернетом, такие как игровая зависимость, стремление расширять виртуальные знакомства, навязчивый поиск информации и т. д. [2]. Если анализировать возрастные аспекты интернет-зависимости, то известно, что она проявляется в разных возрастных группах. Так, в работе Devine D. [1] и соавторов исследуется интернет-зависимое поведение у американцев 17-76 лет, а при анализе этого феномена на российской выборке отмечается распространенность этого явления у представителей поколений X, Y и Z [3].

Кибербуллинг является один из видов агрессивного поведения, осуществляемый средствами развитых информационных технологий [8]. Большинство исследований кибербуллинга выполнено на подростках и молодежи, поскольку именно они наиболее активно используют цифровые технологии и, как следствие, становятся более уязвимыми для агрессивного поведения в сети [9]. А Антипина С. и соавторы выявили, что в раннем подростковом возрасте киберагрессия выступает как социальный эксперимент, а в старшем подростковом возрасте может отражать личностные особенности, такие как низкие показатели эмпатии [10]. Помимо этого, существуют исследования, в которых изучается подверженность кибербуллингу не только подростков, но и молодежи, людей зрелого возраста и пенсионеров [9; 11; 12].

Киберлафинг (кибербезделье) — это использование Интернета в личных целях во время работы (бизнес-киберлафинг) или учебы (академический киберлафинг). В некоторых исследованиях отмечается, что в проблема киберлафинга увеличилась в последние годы в связи с распространенностью дистанционных форм обучения и работы после эпидемии COVID-19 [13]. Академический киберлафинг преимущественно исследуется на подростках — школьниках и молодежи — студентах очного отделения [13; 14].

Проведенный анализ демонстрирует универсальность феномена интернет-девиаций для различных возрастных групп. Применение поколенческого подхода к анализу возрастных различий позволяет более прицельно рассмотреть специфику цифрового поведения в контексте исторического периода освоения интернет-технологий обществом. Сравнение интернет-зависимости, кибербуллинга и киберлафинга у представителей поколений Z и Y может не только показать существующие различия между молодыми людьми, выросшими в цифровую эпоху и в «переходный период», но и стать основой для прогноза данных явлений у последующих поколений. Все это определило цель исследования: сравнение показателей интернет-зависимости, киберагрессии и киберлафинга у представителей поколений Z и Y.

### Методы и методики

*Выборка.* В исследовании приняли участие 218 респондентов — студентов очной и заочной формы обучения Южно-Уральского государственного университета (НИУ). Из них 51 % женщины (111 человек), 49 % — мужчины (107 человек). 50 % респондентов (109 человек) относятся к поколению Y и родились в период с 1981 года по и 1996 год, 50 % (109) — к поколению Z и родились в период с 1997 года по 2012 годы.

*Методики.* Сбор данных осуществлялся при помощи онлайн-опроса, созданного в Яндекс.формах и включающего три теста: шкала интернет-зависимости (S.-H. Chen, адаптация В.Л. Малыгина и соавторов)<sup>1</sup>, шкала киберлафинга (Y. Akbulut, адаптация Н.В. Сиарикиной) [14] и опросник киберагрессии (D. Álvarez-García et al., адаптация А.А. Шарова) [15]. Участие в опросе было добровольным и анонимным.

Шкала интернет-зависимости измеряет такие симптомы как: компульсивные, отмены, толерантности, внутриличностные проблемы и проблемы со здоровьем, проблемы с управлением временем, интегративные симптомы интернет-зависимости, негативные последствия и общий показатель интернет-зависимости. Шкала киберлафинга измеряет следующие сферы проявления кибербезделья в академической среде — общение, шоппинг, потребление контента, игра и социальные сети.

---

<sup>1</sup> Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики: Учебное пособие для студентов факультета клинической психологии по дисциплине специализации «Психологическая коррекция аддиктивного поведения» / В.Л. Малыгин, К.А. Феликсов, А.С. Искандирова [и др.]. — Москва: Московский государственный медико-стоматологический Университет Росздрава, 2011. — 32 с. — EDN ZUVFLR.

Опросник киберагрессии включает шкалы имперсонации, секстинга, вербально-визуальной киберагрессии и интегративную шкалу киберагрессии. Для сравнения показателей шкал опросников у представителей поколений Z и Y использовался U — критерий Манна-Уитни. Непараметрический критерий был выбран в связи с тем, что распределение по некоторым шкалам отличалось от нормального.

Проверка на нормальность распределения осуществлялась при помощи критерия Z Колмогорова — Смирнова. Расчеты проводились при помощи пакета статистических программ SPSS v. 27.0.

## Результаты

Результаты сравнения проблемного поведения в Интернете у представителей поколений Z и Y представлены в таблице 1.

Таблица 1

### Сравнение показателей проблемного интернет поведения у представителей поколений Z и Y, N = 218

| Шкалы опросников                         | Поколение | М    | Ст. откл. | М    | Ср. ранг | U        | p      |
|------------------------------------------|-----------|------|-----------|------|----------|----------|--------|
| Показатели интернет-зависимости          |           |      |           |      |          |          |        |
| Com, компульсивные симптомы              | Y         | 8,0  | 3,5       | 7,0  | 86,76    | 3461,500 | 0,0001 |
|                                          | Z         |      |           | 9,0  | 132,24   |          |        |
| Wit, симптомы отмены                     | Y         | 8,0  | 3,5       | 7,0  | 94,67    | 4323,500 | 0,0001 |
|                                          | Z         |      |           | 9,0  | 124,33   |          |        |
| Tol, шкала толерантности                 | Y         | 8,0  | 2,9       | 7,0  | 93,56    | 4202,500 | 0,0001 |
|                                          | Z         |      |           | 8,0  | 125,44   |          |        |
| IH, внутриличностные и проблемы здоровья | Y         | 10,0 | 4,1       | 9,0  | 100,06   | 4912,000 | 0,026  |
|                                          | Z         |      |           | 10,0 | 118,94   |          |        |
| TM, управление временем                  | Y         | 8,0  | 3,1       | 7,0  | 89,55    | 3765,500 | 0,0001 |
|                                          | Z         |      |           | 9,0  | 129,45   |          |        |
| IA-Sym, ключевые симптомы                | Y         | 24   | 8,9       | 20,0 | 89,41    | 3751,000 | 0,0001 |
|                                          | Z         |      |           | 28,0 | 129,59   |          |        |
| IA-RP, негативные симптомы               | Y         | 18   | 6,7       | 16,0 | 93,61    | 4208,500 | 0,0001 |
|                                          | Z         |      |           | 19,0 | 125,39   |          |        |
| CIAS, интегральный показатель            | Y         | 42   | 15,0      | 38,0 | 90,53    | 3872,500 | 0,0001 |
|                                          | Z         |      |           | 48,0 | 128,47   |          |        |
| Показатели интернет-агрессии             |           |      |           |      |          |          |        |
| Имперсонация                             | Y         | 3,0  | 0,91      | 3,0  | 110,24   | 5860,000 | 0,781  |
|                                          | Z         |      |           | 3,0  | 108,76   |          |        |
| Секстинг                                 | Y         | 5,0  | 1,24      | 5,0  | 109,60   | 5929,500 | 0,969  |
|                                          | Z         |      |           | 5,0  | 109,40   |          |        |
| Вербально-визуальная агрессия            | Y         | 12,0 | 3,59      | 12,0 | 105,07   | 5457,500 | 0,279  |
|                                          | Z         |      |           | 12,0 | 113,93   |          |        |
| Интегративная шкала киберагрессии        | Y         | 20,0 | 5,33      | 20,0 | 106,18   | 5578,500 | 0,420  |
|                                          | Z         |      |           | 20,0 | 112,82   |          |        |
| Показатели киберлафнга                   |           |      |           |      |          |          |        |
| SA, Общение                              | Y         | 1,8  | 0,80      | 1,7  | 98,61    | 4754,000 | 0,011  |
|                                          | Z         |      |           | 2,0  | 120,39   |          |        |
| SO, Шопинг                               | Y         | 1,2  | 0,66      | 1,2  | 101,64   | 5084,000 | 0,063  |
|                                          | Z         |      |           | 1,3  | 117,36   |          |        |
| AOC, Потребление контента                | Y         | 1,6  | 0,79      | 1,3  | 103,22   | 5256,000 | 0,140  |
|                                          | Z         |      |           | 1,6  | 115,78   |          |        |
| GG, Игра                                 | Y         | 1    | 0,56      | 1,0  | 101,92   | 5114,500 | 0,051  |
|                                          | Z         |      |           | 1,3  | 117,08   |          |        |
| RTU, Социальные сети                     | Y         | 1    | 0,86      | 1,0  | 97,24    | 4604,500 | 0,004  |
|                                          | Z         |      |           | 2,0  | 121,76   |          |        |

Y — представители поколения Y; Z — представители поколения Z; M — медиана; U — критерий Манна-Уитни; p — уровень статистической значимости. Составлено авторами

*Интернет-зависимость у представителей поколений Y и Z.* Согласно полученным результатам, интегральный показатель интернет-зависимости (CIAS) у миллениалов находится на низком уровне ( $M = 38,0$ ), а у зумеров — на среднем ( $M = 48,0$ ). Эти различия являются статистически значимыми ( $U = 3872,500$ , при  $p = 0,0001$ ). У представителей поколения Y выявлен низкий риск развития интернет-зависимости по всем шкалам, кроме шкалы толерантности, где диагностирована склонность к зависимости. У представителей поколения Z выявлена склонность к зависимости по всем показателям опросника. Значимые различия обнаружены между исследуемыми группами по всем шкалам опросника. Почти все показатели интернет-зависимости у представителей поколения Y, такие как компульсивные симптомы, симптомы отмены, шкала толерантности, управления временем, а также шкалы ключевых и негативных симптомов значимо ниже, чем у представителей поколения Z (при  $p = 0,0001$ ). Показатели шкалы «внутриличностные и связанные со здоровьем проблемы» также ниже у миллениалов, чем у зумеров (при  $p = 0,026$ ).

*Киберагрессия у представителей поколений Y и Z.* В показателях киберагрессии у миллениалов и зумеров не выявлено значимых различий. Обе группы одинаково не склонны к агрессии с сети Интернет ( $M = 20$ , при максимально возможных значениях по шкале 76), к имитации других лиц в интернете ( $M = 3$ , при максимально возможных баллах 12), к распространению интимного контента ( $M = 5$ , при максимально возможных баллах 20), к вербально-визуальной агрессии в интернете ( $M = 12$ , при максимальных баллах 44).

*Киберлафтинг у представителей поколений Y и Z.* Согласно полученным результатам выявлено, что миллениалы чаще используют интернет на занятиях для общения ( $M = 1,1$ ) и для потребления развлекательного контента ( $M = 1,3$ ), реже играют ( $M = 1$ ) и общаются через социальные сети ( $M = 1$ ). Зумеры же чаще общаются через мессенджеры ( $M = 2$ ) и социальные сети ( $M = 2$ ) во время занятий, реже играют ( $M = 1,3$ ) и совершают шопинг в сети ( $M = 1,3$ ). Сравнивая показатели киберлафтинга в обеих группах, что у представителей поколения Y, показатели шкалы общения, отражающей поддержание социальных связей онлайн, и шкалы социальные сети, отражающей вовлеченность в соцсети во время занятий, значимо ниже, чем у представителей поколения Z (при  $p = 0,011$  и  $p = 0,004$  соответственно).

## Обсуждение результатов

Результаты исследования показали, что интернет-зависимости в большей степени подвержены представители поколения Z, чем представители поколения Y. Данные могут отражать общую тенденцию: чем моложе респонденты, тем больше они вовлечены в интернет-взаимодействие. Что подтверждается данными следующих исследований. Devine D. и соавторы на американской выборке обнаружили, что у пожилых людей интернет-зависимость встречается значительно реже, чем у молодых [1]. Семенова Н. и соавторы выявили, что патологические проявления интернет-зависимости увеличиваются с 5,9 % среди младших подростков до 7,8 % среди подростков старшего возраста [16]. Sechi C. и соавторы подтвердили, что у студентов младших курсов чаще развивается интернет-зависимость, чем у студентов старших курсов [17].

Сравнение показателей киберагрессии у представителей поколений Z и Y показало, что они одинаково выражены в обеих возрастных группах. Это указывает на отсутствие поколенческого разрыва в данном аспекте или, возможно, отражается специфику их деятельности. Так, в исследовании Saleem S. и соавторов не было выявлено значимых различий в киберагрессии у пакистанских студентов разных возрастов [11]. A Von Humboldt S. и соавторы установили, что и представители молодежи, и люди среднего возраста подвергаются киберагрессии, но как следствие, испытывают разные эмоции [12].

Показатели киберлафинга у студентов миллинеалов и зумеров являются относительно невысокими ( $M = 1,32$ ) и сопоставимы с другими исследованиями, проводимыми на российских выборках [13; 14]. Киберлафинг больше проявлен у студентов поколения Z, чем у студентов поколения Y, которые чаще во время занятий общаются через мессенджеры и социальные сети.

Обобщая, поставленная цель была достигнута — были выявлены и описаны различия в таких формах девиантного поведения в сети как интернет-зависимость, киберагрессия и кибербезделье у представителей поколений Y и Z. Полученные результаты дополняют научный дискурс в области изучения данных явлений, нивелируя пробел, связанный с отсутствием комплексных исследований, сравнивающих разные формы интерне-девиаций у миллинеалов и зуммеров. В качестве перспектив данного исследования можно наметить дополнение используемых методик сбора данных количественными, что позволит расширить представление о мотивах девиантного поведения в Интернете.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Internet addiction, cognitive, and dispositional factors among US adults / D. Devine, A.M. Ogletree, P. Shah, B. Katz // *Computers in Human Behavior Reports*. — 2022. — Vol. 6. — P. 100180. DOI: 10.1016/j.chbr.2022.100180.
2. Шайдукова, Л.К. Клинические, гендерные и возрастные аспекты интернет-зависимости / Л.К. Шайдукова, Э.Л. Рашитова // *Казанский медицинский журнал*. — 2020. — Т. 101, № 2. — С. 193–199. — DOI 10.17816/KMJ2020-193. — EDN SXNLZG.
3. Щербакова, О.И. Особенности взаимодействия поколений X, Y, Z с цифровым пространством в России / О.И. Щербакова, В.П. Осипов // *Вестник Омского университета. Серия: Психология*. — 2025. — № 3. — С. 58–66. — DOI 10.24147/2410-6364.2025.3.58-66. — EDN UESZIP.
4. Global prevalence of internet addiction among university students: a systematic review and meta-analysis / X. Liu, Z. Gui, Z.-M. Chen, Y. Feng, X.-D. Wu, Z. Su, T. Cheung, G.S. Ungvari, X.-C. Liu, Y.-R. Yan, C.H. Ng, Y.-T. Xiang // *Current Opinion in Psychiatry*. — 2025. — V. 1, 38(3). — P. 182–199. DOI: 10.1097/YCO.0000000000000994.
5. Problematic internet use among adults: a cross-cultural study in 15 countries / O. López-Fernández, L. Romo, L. Kern, A. Rousseau, B. Lelonek-Kutera, J. Chwaszcz, N. Männikkö, H.-J. Rumpf, A. Bischof, O. Király, A. Gässler, P. Graziani, M. Kääriäinen, N. Landrø, J.J. Zacarés, M. Chóliz, M. Dufour, L. Roche, D. Zullino, S. Ahab, Z. Demetrovics, M.D. Griffiths, D.J. Kuss // *Journal of Clinical Medicine*. — 2023. — Vol. 12. № 3. — P. 1027. DOI: 10.3390/jcm12031027.
6. Internet addiction in Gulf countries: A systematic review and meta-analysis / A.M. Al-Khani, J. Saquib, A.M. Rajab, M.A. Khalifa, A. Almazrou, N. Saquib // *Journal of Behavioral Addictions*. — 2021. — Vol. 10, № 3. — P. 601–610. DOI: 10.1556/2006.2021.00057.
7. Prevalence and associated factors of internet addiction among undergraduate university students in Ethiopia: a community university-based cross-sectional study / Y. Zenebe, K. Kunno, M. Mekonnen, A. Bewuket, M. Birkie, M. Necho, M. Seid, M. Tsegaw, B. Akele // *BMC Psychology*. — 2021. — Vol. 9, №1. — P. 4. DOI: 10.1186/s40359-020-00508-z.

8. Путинцева, А.В. Развитие феномена "кибербуллинг": анализ подходов к определению / А.В. Путинцева // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2020. — № 3(89). — С. 51–57. — EDN IUBOWM.
9. Schimmele, C. Canadians' assessments of social media in their lives / C. Schimmele, J. Fonberg, G. Schellenberg // Economic and Social Reports. — 2021. — DOI: 10.25318/36280001202100300004-eng.
10. Antipina, S.S. Relationship among the tendency to cyber-aggression, aggressiveness, and empathy in adolescence. / S.S. Antipina, A.V. Miklyaeva // Russian Psychological Journal. — 18(2). — P. 94–108. <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.2.6>.
11. Saleem, S. Prevalence of cyberbullying victimization among Pakistani Youth / S. Saleem, N.F. Khan, S. Zafar // Technology in Society. — 2021. — Vol. 65. — P. 101577. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2021.101577>.
12. Von Humboldt, S. From Words to Wounds: Cyberbullying and Its Influence on Mental Health Across the Lifespan / S. Von Humboldt, G. Low, I. Leal // Behavioral Sciences. — 2025. — Vol. 15, № 5. — P. 619. DOI: 10.3390/bs15050619.
13. Сиврикова, Н.В. Девиантное поведение в виртуальном пространстве: кибербуллинг и киберлафтинг / Н.В. Сиврикова, Т.Г. Пташко, А.А. Шевченко // Психология. Психофизиология. — 2025. — Т. 18, № 1. — С. 63–73. — DOI 10.14529/jpps250106. — EDN IORGHV.
14. Пташко, Т.Г. Смартфон на парте: исследование особенностей киберлафтинга у школьников и студентов / Т.Г. Пташко, Н.В. Сиврикова, А.Е. Перебейнос // Психологическая наука и образование. — 2023. — Т. 28, № 4. — С. 52–62. — DOI 10.17759/pse.2023280403. — EDN UHEAST.
15. Шаров, А.А. Измерение киберагрессии: разработка русскоязычного аналога опросника CYBA / А.А. Шаров // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. — 2020. — Т. 9, № 2(34). — С. 118–125. — DOI 10.18500/2304-9790-2020-9-2-118-125. — EDN DGABBQ.
16. Prevalence of different types of online behavior and internet addiction among adolescents in central Siberia: Gender and age aspects / N. Semenova, S. Tereshchenko, L. Evert, Y. Kostyuchenko, M. Shubina // European Psychiatry. — 2021. — P. 371–372 DOI: 10.1017/S0953956221001558.
17. Sechi, C. Addictive internet behaviors: The role of trait emotional intelligence, self-esteem, age, and gender / C. Sechi, G. Loi, C. Cabras // Scandinavian Journal of Psychology. — 2020. — Vol. 62, № 3. — P.409–417. DOI: 10.1111/sjop.12698.

**Shevchenko Anna Alexandrovna**

South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia

E-mail: shevchenkoa@susu.ru; chastoedovaanna@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3246-0920>

RSCI: [https://elibrary.ru/author\\_profile.asp?id=726814](https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=726814)

**Abdullina Regina Ilghizarovna**

Municipal Socially-Oriented Institution «Crisis Center», Chelyabinsk, Russia

E-mail: reginaabdullina07@gmail.com

**Zavialova Irina Uryevna**

South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia

E-mail: irinamai-5@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7686-7554>

RSCI: [https://elibrary.ru/author\\_profile.asp?id=752990](https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=752990)

**Kolmogortseva Anastasia Alekseevna**

South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia

E-mail: kolmogortcevaaa@susu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6425-2122>

RSCI: [https://elibrary.ru/author\\_profile.asp?id=1027380](https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=1027380)

## **Digital footprint of youth: a comparative analysis of internet-related deviant behaviors in generations Z and Y**

**Abstract.** This article presents a comparative study of internet addiction, cyberaggression, and cyberloafing among members of Generations Z and Y. While individual studies have explored these phenomena within each generation, a comprehensive analysis directly comparing internet-related deviant behaviors between Millennials and Zoomers remains lacking. This research addresses that gap.

The study was conducted in 2025, with a sample of 218 students from South Ural State University (National Research University), representing both Generations Y and Z. The following psychodiagnostic instruments were utilized: the Internet Addiction Scale (S.-H. Chen, adapted by V.L. Malygin et al.); the Cyberloafing Scale (Y. Akbulut, adapted by N.V. Siarikova); and the Cyberaggression Questionnaire (D. Álvarez-García et al., adapted by A.A. Sharov). Data analysis was performed using the Mann-Whitney U test.

The results indicate that Generation Z exhibits a higher susceptibility to internet addiction compared to Generation Y. Millennials demonstrated a low risk profile for internet addiction, while Zoomers showed a marked tendency towards addictive behaviors. Cyberloafing was also more prevalent among Generation Z students. They reported more frequent use of messengers and social networks for communication during class time. No statistically significant differences were observed in cyberaggression indicators between the two generations.

**Keywords:** internet-related deviant behaviors; internet addiction; cyberaggression; cyberloafing; Generation Y; Generation Z